

Ксения Немировская

ПУТЕШЕСТВИЕ

из центра Европы
вглубь себя



Ксения Немировская

**Путешествие из центра
Европы вглубь себя**

«Издательские решения»

Немировская К.

Путешествие из центра Европы вглубь себя / К. Немировская —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931671-4

Эта книга — калейдоскоп мыслей от Мюнхена до Москвы. Вместе с путешественником Антоном Кротовым я побывала в разных европейских и балканских городах. Разнообразие мира, общение с людьми, время наедине с собой — всё это было катализатором к новым осознаниям и смыслам. Их я облекла в книгу и делюсь с вами, мои долгожданные читатели.

ISBN 978-5-44-931671-4

© Немировская К.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Путешествие из центра Европы	8
Германия	9
Мюнхен	9
Немецкий музей	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Путешествие из центра Европы вглубь себя

Ксения Немировская

Дизайнер обложки Алексей Марычев

© Ксения Немировская, 2019

© Алексей Марычев, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4493-1671-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Книга, которая сейчас перед вами – калейдоскоп моих впечатлений и мыслей по пути от Мюнхена до Москвы. Я отправилась в эту поездку за компанию: однажды мой давний друг Антон Кротов возвращался домой после насыщенного полугодового путешествия и пригласил проехать вместе часть маршрута. Мы побывали в нескольких европейских и балканских городах; радовались разнообразию мира и интересному общению. Увиденное подталкивало меня к новым осознаниям. Впрочем, я тогда не подозревала, что ещё одним итогом этого небольшого путешествия станет книга. Честно, до сих пор удивляюсь. Мне кажется, получившаяся книга сродни своенравной кошке, которая приходит из ниоткуда, грациозно запрыгивает на колени и остаётся жить у тебя на долгие годы. Поначалу возникало ощущение, что не я создаю книгу, а она происходит со мной, прорастает из торопливых слов, написанных мною на билетах, салфетках и обрывках бумаги.

Началось всё с того, что по пути я записывала некоторые наши с Антоном смешные диалоги и делилась ими в соцсетях. Другим нравилось. Потом стала фиксировать особенно яркие впечатления и важные для меня размышления и, в конце концов, ощутила, что должна сделать книгу. Раньше я много раз начинала вести дневники во время поездок, а потом забрасывала. И с горечью замечала спустя время, что многие моменты моего становления, открытия о жизни и людях так и растворились в глубинах памяти.

«Всё, больше нельзя отступать», – подумала я. То, что в этот раз я должна написать дневник, ощущалось как неизбежность. Впрочем, это приятное чувство, когда оно касается творчества.

Я решила – пусть быстро, пусть медленно, пусть со стилистическими корявостями и погрешностями – книга должна состояться. Пусть она даже будет написана ради одного человека – меня самой – она должна состояться.

Я писала свой дневник не благодаря, а вопреки. Вопреки учебной и рабочей нагрузке, вопреки мрачным мыслям о том, что никто не захочет его читать. Вопреки канцеляризмам и тяжеловесным оборотам, которые бесцеремонно поселились в моей голове, пока я писала диплом (спасибо книге Норы Галь «Слово живое и мёртвое» – я помнила её заветы и стремилась сделать текст живым и лёгким). Я создавала книгу вопреки тому, что не видела себя писателем, и тогда непонятно, чем я, собственно говоря, занималась. Долгое время я старалась избегать слова «книга» по отношению к своим заметкам, потому что считала, что это заносчиво.

Я помню те дни, когда мне казалось, что почти всё доведено до конца, но долгое время это было всего лишь «почти». Я перечитывала главу за главой, находила всё новые повторы и несуразности, десятки раз перекраивала одни и те же фразы. Наверное, для многих писателей это вполне заурядный, привычный процесс, но я в первый раз всерьёз захотела, чтобы мои дневники добрались до читателей, и увязла в перфекционизме. Порой накатывало отчаяние: «Когда же я изнутри, интуитивно почувствую, что всё готово, свершилось? Когда перестанут терзать сомнения по поводу той или иной фразы? Какой виток редактуры станет достаточным?»

И однажды ко мне пришло это чувство. Оно было спокойным и освобождающим. Я понимала, что мой дневник несовершенен, но чувствовала, что готова отпустить его в свободное плавание. И с полным правом назвать его книгой. Почему нет?

И вот теперь она перед вами!

Хочу сказать огромное спасибо тем друзьям, приятелям и коллегам, которые в меня верили, подбадривали и ждали мой дневник. Благодаря им я чувствовала, что пишу не в пустоту.

Спасибо моим первым читателям – **Марине Фещенко, Алёне Сухоруковой, Валентине Тихоновне Липской, Антону Кротову, Марату Шахмаеву.**

Особую признательность я хочу выразить двум героям – **Андрею Троицкому и Юре Ямпольскому** – они не только прочитали весь текст одним махом, но и выкроили драгоценное время, чтобы помочь мне в редакции. Их зоркость и чувство стиля помогли справиться со многими опечатками и корявостями.

Благодарю за помощь **Алексея Марычева**, который помог создать обложку – именно такую, с волшебным настроением, какую я хотела.

Спасибо отзывчивым местным жителям, которые приглашали нас ночлег, кормили и дарили душевное тепло.

И, конечно, я безмерно благодарна своему драгоценному другу **Антону Кротову** – столько хороших поездок свершилось с его лёгкой руки! Мне однозначно повезло с ним как с заботливым, энергичным, терпеливым и умным спутником. Разделять вместе с ним путешествия было очень здорово!

Путешествие из центра Европы вглубь себя

*Посвящается
моему замечательному другу
Антону Кротову*

– Ну что, пойдём, потрогаем землю-мать! – оживлённо говорит мне Антон, выпрыгивая из машины, едва мы остановились на заправке.

Широким шагом мы идём к небольшому пустырю рядом с магазином, опускаемся на колени и прижимаем руки к песку, зачерпываем и растираем его в ладонях. От неловкости и радости меня разбирает смех – я ни разу не падала в благоговении на землю перед всем честным народом у забытой богом заправки.

Мы оба хохочем и обнимаемся.

До Москвы осталось несколько сот километров.

Антон не был дома целых двести двадцать пять дней. Я – всего девятнадцать. Но радуюсь не меньше, чем он.

Мы только что пересекли границу Украины с Россией и теперь чувствуем себя практически дома.

А на следующий день я отсыпаюсь уже в Москве. Здесь всё по-прежнему, но меня очередной волной охватывает любовь к своему городу. Пытаясь в который уже раз начать бегать, я выползаю под вечер в парк, люблюсь тем, как фонари умывают свои отражения в пруду. На бегу пытаюсь продумать хорошее начало своего дневника о путешествиях и теряюсь. Логично ведь начать с Мюнхена? А может, написать какую-нибудь предысторию? Но вдруг это будет слишком затянато и занудно?

Я останавливаюсь и заворожённо смотрю, как вода покачивает лики фонарей. Удивляюсь, что не замечала, насколько красивы такие привычные места рядом с домом.

И чувствую, что хочу начать именно с них – с акварельных огоньков в воде.

Потому что радость от встречи с обыденными вещами и есть один из главных трофеев, который я привожу из каждой поездки. В моих редких и прекрасных путешествиях я начинаю многому удивляться и ценить текущий момент; ощущаю интенсивность и наполненность жизни – во многом ради этого и хочется пускаться в дорогу. И когда возвращаюсь домой, в Москву, то на некоторое время перестаю убегать от настоящего; мне удаётся оставаться в обновлённом и созидающем состоянии.

Путешествия учат многому, но один из главных результатов моего спонтанного ученичества – именно это зарождающееся умение замечать своё настоящее. И проживать его, каким бы оно ни было – радостным или болезненным, вдохновляющим или разочаровывающим, интересным или рутинным. Иногда это даётся с большим трудом, но я не знаю других способов по-честному ощущать себя живой.

Германия

Мюнхен

После того, как я поступила на филфак, мои путешествия стали довольно редкими и избирательными. Зато я начала вести дневники. Причиной тому стала вовсе не учёба (многие думают, что именно там меня, якобы, научили писать); это произошло гораздо раньше, на литстудии. Но надо отдать должное – филфак косвенно повлиял на то, что я вернулась к писательству. Поглощая тонны классической литературы, я всё больше страдала от того, что моя собственная жизнь, мои впечатления и чувства остаются непроявленными, ненужными. Я бесконечно читала; и порой казалось, что меня с головой засыпало чужими историями, как тяжёлыми комьями снега. «А как же я? Мне тоже нужно место для собственной жизни, нужны собственные тексты!» – и я помню, что иногда не могла уснуть, пока не напишу несколько строк. Повертевшись с боку на бок, я вылезала из кровати, едва не чертыхаясь, и включала компьютер. Удивительно, но по ночам тексты получались особенно проникновенными; пока я перечитывала их, меня охватывала эйфория, и потом я мгновенно засыпала, успокоенная.

Что касается путешествий, то в те годы каждая поездка была особенно важна тем, что давала возможность остаться, наконец, наедине с собой без спешки и учебных долгов, заняться переоценкой смыслов и ценностей. Ведь именно в такие моменты я могла встретиться с разнообразием мира и ощутить, кто же я сама в нём, этом разнообразии. И мне захотелось всё это записывать, ведь даже очень важные открытия и мысли могут забываться, увы...

Я не возлагала никаких особых надежд на предстоящую поездку в Европу – просто хотела отдохнуть и проехать интересным маршрутом в компании Антона Кротова, опытного путешественника и одного из моих друзей. Антон не был дома больше полугода – 27-го декабря я приходила провожать его. Помню, как я грела руки, обхватив жёлтую пиалу с чаем и хохотала над шутками Антона. Смотрела на извечные кактусы, живущие на его подоконнике, а потом замечала падающие хлопья снега за стеклом. Одновременно и лето, и зима перед глазами... Антон реализовал очередной наполеоновский план: уехал путешествовать сначала по Индии, потом по Юго-Восточной Азии и Индонезии, а летом прилетел в Сан-Франциско – осваивать американские просторы.

Как любитель буржуйских стран я сначала хотела присоединиться к нему в Америке и проехать от Сан-Франциско до Майами. Но потом поняла, что пока мне сложно этот план реализовать – весь июнь будет сессия, кроме того, билеты и виза очень дороги, и не факт, что американскую визу мне вообще дадут. Скрепя сердце я решила повременить с Америкой. Оставался не менее хороший план Б – присоединиться к Антону, когда он будет возвращаться домой через Германию и Балканы. Так будет гораздо проще – и визу мне дадут охотней, и финансовые затраты, скорей всего, будут небольшими. Зная Антона, я подозревала, что вряд ли мы будем заселяться в Мэриотт-отель и выбирать на обед ризотто с трюфелями.

Антон на мой «план Б» тут же откликнулся: конечно, буду очень рад, получай скорей визу!

Дальше всё пошло как по маслу: французы без проблем выдали двухмесячный шенген. Попрыгав от радости, я сразу же решила проверить, какие будут авиарейсы на нужные мне даты, и тут же нашла копеечный билет прямым из Москвы в Мюнхен – 2990 рублей. Всё складывается столь легко, что даже не верится. Какая-то я стала недоверчивая.

Даже прилетев в Германию и заполучив в свой паспорт штамп мюнхенского аэропорта, я опускаюсь на скамейку напротив светящихся шикарных бутиков и просто сижу, чтобы дать себе время осознать: «Я уже в Германии. Впервые. Да, кроме шуток».

Изрядно проголодавшись, я отправилась в едальню с длинным названием «Gesund & Köstlich – Kantine im Rathaus». Просматривая ещё в Москве форумы о разных хороших местах в Мюнхене, я наткнулась на хвалебные отзывы об этой столовой, которая расположилась в самом центре Мюнхена. «Побуржуйствую немного до приезда Антона!» – подумала я.

Кантина, которая так и переводится с немецкого как столовая, оказалась превосходным местом: вкусные супы, тушеные овощи, десерты и соки. Многие посетители сидели во внутреннем дворе ратуши, за просторными деревянными столами. Какой же здесь стоял галдёж: потягивая баварское пиво громко смеялись и спорили мужчины, путешественники из других городов оживлённо делились впечатлениями друг с другом; между столами бегали дети и теребили своих родителей. Я подняла голову: над нами возвышались башни ратуши, украшенные хищными птицами и причудливыми животными, изваянными из камня. Не будь здесь людей, эти башни казались бы чужими и суровыми, даже грозными. Но сейчас, в мягком вечернем свете, когда улицы города наполнены жизнью, ратуша кажется мне заветом неисчезающей, вечной красоты, которую даже Время не осмеливается затронуть. В такие моменты, когда настоящее мгновение встречается с каким-нибудь артефактом далёкой эпохи, я чувствую волнение, оттого, что на моих глазах все времена соединяются в одной точке.

Я отправилась гулять по центру, куда-то в сторону станции Карлсплац (Karlsplatz). Люди здесь очень внимательные: стоит мне остановиться посреди улицы и раскрыть карту, как кто-нибудь из прохожих обязательно первым спросит:

– Что Вы ищете? Я могу Вам помочь?

– Спасибо, я уже разобралась. Благодарю вас.

Отзывчивость местных жителей неизменно радует.

– Я уже дома, можешь приезжать, – пишет мне Таня.

У Антона едва ли не в каждом городе есть друзья, поэтому ночёвка в гостинице или хостеле воспринимается скорее как исключение. Вот и здесь, в Мюнхене, живёт подруга Антона – Лина Берова с соседями. Лина долгое время читала новости из жизни Антона в его Живом Журнале. А когда узнала о том, что Антон собирается снимать дом в Берлине¹, стала активно помогать с поисками подходящего жилища. Так они и подружились. Сейчас Лины не было в городе: она так вдохновилась антоновой идеей «Дома для всех», что уехала на Украину, чтобы реализовать такой проект в карпатской деревушке. Заботу о нас с Антоном Лина перепоручила своей соседке Тане.

¹ Дом Для Всех (Дом АВП) – особый проект (изобретение) Антона Кротова и Академии Вольных Путешествий. В одном из городов мира организуется (снимается на два-четыре месяца) квартира или дом. Это жилище становится Домом Для Всех. Каждый человек в мире может приехать в этот дом, остановиться там, пожить какое-то время, изучить окружающий город, местность, регион. [...] Жить в Доме может человек с любыми финансовыми возможностями [...]. Обязательного для всех денежного взноса, необходимого для проживания, не существует. Если есть желание и возможность, можно сделать любое пожертвование на Дом (информация из ЖЖ Антона Кротова – <http://a-krotov.livejournal.com/369270.html>). На данный момент, когда я пишу эти строки (ноябрь 2017), создано более 50 Домов Для Всех. И они продолжают создаваться.

От станции Фрайденхаймер штрассе до дома Лины очень близко – минутки две. Я иду долго, потому что беспрестанно фотографирую. Ужасно нравятся невысокие дома с балкончиками, каждый из которых похож на оранжерею. Они увиты плющом и виноградной лозой, на широких перилах стоят кадки с цветами – всё нарядно и празднично.

Здесь у меня создаётся ощущение, что каждый житель воспринимает не только свой дом, но и город в целом как пространство, о котором важно позаботиться, сделать его краше, лучше.

На двери нужного мне дома нахожу звонок с надписью Lina Berova и поднимаюсь на последний этаж, под крышей. Дома меня действительно встречает Таня, с которой я переписывалась, ещё будучи в Москве; и Вика.

В Мюнхене Таня учится в магистратуре и работает. «Узнаю брата Колю», – подумала я, заметив, какая она всегда занятая.

Вика приехала недавно и учит здесь немецкий. Как потом выяснилось, мы с Викой однажды пересекались в Москве. Как-то раз мои друзья решили по-особенному отпраздновать Новый 2014 год, и мы отправились на гангстерскую вечеринку, которую организовал клуб путешественников. Вика тоже там была, и даже вспомнила, что меня видела. А познакомились мы в итоге только сейчас, в Мюнхене.

Вика по образованию программист, но душа у неё лежит ещё и к языкам. Она рассказывает, как выучила итальянский, и, чтобы разговориться на нём, ездила несколько недель по Италии, останавливаясь только у местных жителей через популярный сайт каучсёрфинг², которым пользуются многие путешественники. Многие из тех, кто принимал Вику в гостях, английского не знали. Это играло положительную роль: не было соблазна переключаться на другой язык, кроме итальянского. И затея удалась: через некоторое время Вика легко говорила. Теперь же пришёл черед пасть бастионам немецких местоимений и глаголов.

Я по-хорошему завидую людям, которые с такой лёгкостью учат языки – думаю, всё-таки секрет здесь не только в трудолюбии, но и во врождённых способностях.

Немецкий музей

Немецкий музей в Мюнхене (Deutsches Museum), он же крупнейший в мире музей естествознания и техники – оказался настолько крут, что мне захотелось написать о нём тысячи хвалебных строк. Выбрала я его второпях, пока ждала посадки на самолёт и листала «Redigo» – приложение для путешественников.

В целом на Мюнхен у меня было два с половиной дня, но я знала, что завтра вечером приедет Антон, который не фанатеет от музеев, особенно если они недешёвые. Да и после приезда Антона они мне не понадобятся, потому что общение с хорошим другом для меня интересней многих культурных походов.

Значит, нужно сходить завтра днём. Я залезла в Redigo. Автомобили BMW меня не заинтересовали, музей «Пива и Октоберфеста» тоже не вызвал отклика. В общем, не понять мне многие мужские пристрастия.

Концентрационный лагерь Дахау? Это интересно, даже очень, но боюсь, что после поездки в Дахау мне придётся несколько дней отходить от тяжелых впечатлений. Нет, пока я не готова, нужно что-нибудь нейтральное. «Немецкий музей достижений естественных наук и техники» – о, это уже интересно. Читаю восторженные отзывы о том, что музей – настоя-

² Каучсёрфинг (<http://www.couchsurfing.org>) – это международная система гостеприимства, которая объединяет людей, интересующихся путешествиями. Этот сайт помогает путешественникам находить бесплатный ночлег во многих городах по всему миру, и так же принимать гостей у себя дома. Кроме того, самые активные участники каучсёрфинга организуют встречи, на которых можно познакомиться с новыми людьми, получить хорошую языковую практику и найти единомышленников для совместных культурных вылазок и поездок.

щий подарок для мальчишек, потому что многие экспонаты можно трогать, забираться внутрь, исследовать. То есть экспозицию составляли с расчетом на то, что людям будет интересно понять принципы работы разных сложных механизмов, начиная с прядки и заканчивая космическим кораблём. Отлично! Я как раз до мозга костей практик, нежели теоретик, значит, музей просто создан для меня!

Вика предлагает составить мне компанию – она сама всего несколько недель как в Мюнхене, и ещё не успела побывать в Немецком музее.

На следующий день мы с Викторией встретились у фонтанов на площади Карлсплац и отправились к музею пешком. На центральных улицах отовсюду слышны звуки разных инструментов – гитары, скрипки, саксофона, укулеле. Играют солидные люди и молодёжь, в одиночку и целыми оркестрами. Я остановилась как вкопанная, услышав знакомую музыку корейского композитора И Рума (Yiguma). Молодой юноша, одетый в простецкие шорты и футболку, сосредоточенно и чисто играл классику, сидя за белоснежным роялем. В приподнятой крышке рояля отражались ветви дерева; его густая крона создавала блаженную тень. Музыкант заиграл что-то из моего любимого Шопена. Я не могла удержаться и фотографировала его, чувствуя неловкость, потому что затвор фотоаппарата, казалось, щёлкал слишком громко. Но звуки рояля и шум города органично переплетались между собой, и щелчки фотоаппарата были ещё одним знаком благодарности за эту музыку, сродни аплодисментам.

Наконец, избежав многочисленных соблазнов вроде уличных оркестриков, мы пришли к музею. Он оказался внушительным – по масштабам можно сравнить с нашим Эрмитажем, или музеем Прадо в Мадриде – целых семь этажей экспонатов! Семь этажей науки и технологии!

По сути, музей знакомит своих посетителей с разными ремёслами, профессиями и областями промышленности. Там есть залы, посвящённые освоению воды и суши, небесных просторов и земных; залы, где можно вспомнить суть законов физики, подзабытых после окончания школы; залы для девочек (как я их окрестила) с изделиями из керамики, с ткацкими станками; зал с музыкальными инструментами.

Всё началось с мореходства – у входа возвышались огромные парусники, дальше – лодки поменьше для рыбаков-одиночек и долблёнки из цельного дерева. А у стен за стеклом стояли маленькие, искусно сделанные модели древних судов, точь-в-точь повторяющие настоящие корабли. Каждый раз, когда я вижу такие хорошенькие кораблики, вспоминаю рассказ Бориса Жидкова «Как я ловил человечков». Помните? Там в гостях у бабушки мальчик увидел такой вот игрушечный пароходик. Он был невероятно похож на настоящий, и мальчик подумал: «Там обязательно должны жить человечки!». И несколько дней и ночей пытался их выследить и приманить конфетами. Вы, наверное, смеётесь, а я вот до сих пор не могу избавиться от ощущения, что на таких корабликах в самом деле живут крошечные человечки. Только вот от нас они умело прячутся. Именно к кораблям у меня особо трепетное отношение, будто все они живые.

Вскоре мы обнаружили лесенку, которая манила нас вниз.

– Это тоже часть экспозиции? – засомневалась я. – Спустимся, Вик?

– Раз никаких запрещающих знаков нет, значит можно. Пойдём.

Внизу недвижно стояли первые сумбарины – узкие и тесные. Некоторые из них были построены в начале прошлого века, так что они застали и пережили Первую мировую войну.

Ох, с моей боязнью закрытых пространств от вида музейных моделей становится не по себе. Кажется, что так душно и тесно жить в этих металлических капсулах, да ещё погру-

жаться в равнодушную холодную толщу воды. По наивности я думала, что и современные подводные лодки тоже небольшие. Пока не пообщалась однажды с человеком, который служил в морском флоте; он рассказывал, что сумбарин могут быть размером с многоэтажный дом, так что даже забываешь, что находишься в глубине моря. Впрочем, я всё равно не отважилось бы на такое плавание.

Тем временем лесенка-чудесенка уводила ещё ниже. Почему-то исчезли надписи на английском, остались только на немецком; а вместо необъятных светлых залов мы очутились в узких, извилистых коридорах, освещенных желтоватым светом тусклых лампочек. Что же тут может быть? Аппараты, которые исследуют земное ядро? Оказалось, мои догадки были недалеко от истины – в подвальных залах можно было досконально почувствовать сложность шахтёрского ремесла. Очувтившись здесь, я вспомнила, как, будучи подростком, читала книгу Евфросинии Керсновской «Сколько стоит человек». Она писала о том, как в начале 1940-х годов ей пришлось покинуть родную цветущую Бессарабию – её арестовали как помещицу и отправили в тюрьмы Сибири. Там она осваивала самые тяжёлые мужские профессии – работала в морге, затем в шахте. И «шахтинские» главы почему-то были мне особенно интересны. Читая, я отчётливо представляла, как всё это происходило – как изнурённые, полуголодные люди спускались в темноту и тишину, бурили шурф, обрабатывали забой, чудом спасались от обвалов и наводнений, переживали смерть тех, с кем работали бок о бок. И при всём при этом искренне любили свою работу.

Теперь я могла видеть шахту воочию.

Здесь, внизу, были воссозданы повседневные моменты из жизни горных мастеров: вот крепильщик устанавливает перекрытия в забое, а проходчики вручную отгружают уголь в деревянные вагонетки. Все они в протёртой одежде, на головах – лёгкие кепки, которые никак не смогут защитить от падающих камней. Видимо, так работали в шахтах, когда эта профессия только появилась. В гнетущей темноте, грязи и неизвестности – выйдешь ты сегодня живым наверх или нет. Мы с Викой притихли.

Но с каждым шагом картина становилась всё более обнадеживающей: мы шли мимо широких и ярко освещённых шурфов и забоев, где современных рабочих защищали прочные шлемы и специальные маски. И хотя их труд по-прежнему тяжёл и опасен, сейчас в шахтах много техники, которая облегчает участь горняка, вроде скреперов с большими ковшами, огромных лебёдок и других прирамбасов, которые, наверное, ужасно интересны мальчишкам.

Выбравшись наверх, мы очутились в краю мельниц. Здесь было светло; после шахты нужно время, чтобы привыкнуть. Сквозь длинные, высокие окна лилось солнце, под старыми мельничными колёсами журчала вода, и я, наконец, выдохнула с облегчением.

Были здесь и более современные механизмы с какими-то трубами, шестернями и валами, так что порой возникало ощущение, что очутился внутри огромных часов. Меня очаровала самая большая из старых деревянных мельниц – своим размеренным ходом и уютным поскрипыванием она напомнила мне светлые детские сказки, в которых всегда обретаешь счастье, что бы ни происходило.

А потом мы попали в залы, по которым можно изучать физику – сообщающиеся сосуды, всевозможные маятники, оптические фокусы... Никогда у меня не было склонности к точным наукам, но физику я любила за её конкретность и приближенность к жизни. И до сих пор я помню нашего преподавателя – прекрасного Владимира Владимировича Сперантова – улыбающегося и тёплого, с живым взглядом. Ему было за семьдесят, когда он преподавал у нас. Мне казалось, что он пришёл к нам прямиком из XIX века, настолько он был с нами по-рыцарски

галантен, уважительно называл нас, двенадцатилетних школьников, на «Вы», и всегда отвечал на все вопросы, включая самые смешные. А мне тогда действительно очень хотелось узнавать о том, как всё устроено в мире, и каждый урок я спрашивала: «А как тяжёлый самолёт держится в воздухе и не падает?», «А почему нельзя прыгнуть с балкона с зонтиком как с парашютом?», «Как работает центробежная сила?», «Как возникают миражи в пустыне?». А мои одноклассники в это время были одержимы идеей вечного двигателя и каждый раз придумывали варианты как его создать. И Владимир Владимирович всегда воспринимал нас всерьёз, обсуждал с нами мои вопросы и гипотезы мальчиков и старался сухую теорию объяснять на пальцах и живых примерах.

А однажды он устроил нам праздник – взял наш класс с собой в университет недалеко от станции метро Спортивная (где он тоже преподавал), чтобы показать живую разные физические явления – например, броуновское движение или опыты с вакуумом. Помню, как мы смотрели, затаив дыхание. И самым ценным были не только эти эксперименты, но то, как В.В. стремился «заразить» нас своей увлечённостью.

Притом, что всю жизнь он посвятил именно физике, Владимир Владимирович оказался разносторонним человеком: моё восхищение достигло поистине космических высот, когда я узнала, что в свободное время он играет на пианино и рисует картины. «Чего и вам советую, – доброжелательно прибавил он. – Очень развивает правое полушарие. И в целом искусство – прекрасная и незаменимая вещь».

Проведя в Немецком музее полдня, мы с Викой поняли, что так вот, с наскока, нам его не покорить – мы успели увидеть только четверть экспозиции.

– Давай посмотрим ещё один зал, какой-нибудь самый интересный, и на этом закончим, – предлагает Вика.

– Мне подходит, – соглашаюсь я, чувствуя, что изрядно устала и проголодалась.

Мы единодушно выбрали космонавтику и не прогадали.

В полутёмных залах сияли макеты кораблей, а чуть дальше, в густой темноте парил космонавт. Жёлтый фал, как пуповина, уводил куда-то в черноту, к ракете. Наверное, местные жители, попав сюда, представляют какого-нибудь известного немецкого космонавта, но я сразу вспоминаю Леонова, который первым вышел в открытый космос и чудом остался жив.

Из музея вышли совершенно обалдевшие; Вика поспешила на встречу с местными каучсёрферами, а я без сил повалилась на скамью в тени. И почему хождение по музеям считают отдыхом? По-моему, когда смотришь интересную экспозицию, то неизбежно эмоционально включаешься, впечатляешься, и это, между прочим, – серьёзный труд. Может быть, я, как человек эмоциональный, именно так хожу по музеям, но в эмоциях и переживаниях для меня как раз и кроется смысл таких вещей, главное их удовольствие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.